

„ПСИША“.

театр
фон.

Какъ хочется, какъ радостно уйти поройъ подальше отъ всѣхъ политическихъ и общественныхъ злобъ. въ старый, старый помѣщичій паркъ, гдѣ среди «острововъ любви» и «храмовъ культуры» бродятъ красивые, прозрачныя тѣни давно прошедшихъ временъ... Недаромъ мы такъ любимъ старину. Недаромъ и истинное искусство черпаетъ въ ней свои темы, недаромъ и искусство прикладное возвращается къ ея сюжетамъ и приемамъ... Борисовъ-Мусатовъ, Бенуа, Сомовъ, Добужинскій, Мережковский, а рядомъ «забытыя усадьбы» передвижныхъ выставокъ, Бодаревскій, историческія пьесы Гитдича... Подлинные «Жакобы» и «були» Архангельскаго и Кускова и гостинныя «Амиръ» замоскворѣцкихъ тузовъ... Чудесныя саксенскія куколки и севрскія статуэтки, флакончики, чашки, которые еле еле разыщешь въ лавкѣ антикварія и разныя вазочки, чашечки, рамочки съ «вѣночками» и бронзовыми украшеніями, что по фабричнымъ цѣнамъ продаются въ «A la toilette» и другихъ магазинахъ, торгующихъ «обжед'арамъ»... Поддѣлки... Есть и похуже, есть и лучше... И сколько ни старайся, какъ ни будь искусенъ, если только ты не истинный художникъ, умѣющій вдохнуть въ созданіе свое свою душу, которая выше всякихъ вѣночковъ и цвѣточковъ, — поддѣлка останется поддѣлкой.

Вотъ именно этого-то, этой-то «пизюминки», истиннаго художественнаго дара и не хватаетъ автору «Пенши». Г. Бѣляевъ талантливъ, у него есть вкусъ, знаніе эпохи и быта, онъ знаетъ сцену, онъ понимаетъ вкусы публики, — и не толпы, а «хорошей» публики, — онъ очень искусенъ и все у него выходитъ совсѣмъ какъ настоящее. Очень, очень хорошая поддѣлка. Не забыта ни одна самая маленькая мелочь.

И всѣ дѣйствующія лица дѣлаютъ и говорятъ все, что полагается тѣмъ, кого они изображаютъ. Помѣщички екатерининскихъ временъ, умѣвшіе сочетать самую уточенную жестокость и самоудурство съ любовью къ искусству и знакомствомъ съ французской философіей, ученики Радищева и Новикова — маринисты, и пѣтметры, — крѣпостные актеры, пѣнты, танцмейстеры, барскія барыни, сержанты гвардіи, егеря, казачки, все это есть въ пьесѣ г. Бѣляева, все это должно дать ей фонъ, — фонъ эпохи и быта. Красиво и искусно написанъ этотъ фонъ, но слишкомъ ужъ густо онъ раскрышенъ и отъ этого сама пьеса, драма актрисы и крѣпостного актера — отошла на второй планъ.

Благодарная, удачно взятая тема. Царь — духомъ, рабъ — тѣломъ. Царица Фѣдра, мыслящая и чувствующая какъ царица — крѣпостная дѣвка, которую можно бить по щекамъ, драть на конюшнѣ, приказывать выше задираеть ногу.

Театр 14 февраля
от 15 февр. 1912 г.

Миръ творческой фантазіи, вершины вдохновенія и художественнаго восторга — и ужасъ дѣйствительности, страшная участь раба, котораго, по прихоти барина, можно забрать въ солдаты, сослать на скотный дворъ, промѣнять въ чужія руки за свору борзыхъ... Глубокая, жуткая драма, драма Кипренскихъ, Шевченко, разныхъ невѣдомыхъ Пенинъ, съ ихъ растоптанными душами — эта драма осталась у автора мало разработанной, вышла блѣдной... Въ ея развитіи слишкомъ много искусственнаго, придуманнаго. Развѣ въ томъ — главный ужасъ положенія «Пенинъ» (нарицательной «Пенинъ»), что ей не даютъ соединиться съ любимымъ его «Ванькой-танцоромъ», быть можетъ, благодаря г. Лихачеву, такъ мало интереснымъ и привлекательнымъ, такъ мало «царственнымъ духомъ», какимъ думается, долженъ бы быть онъ быть, если-бъ авторъ меньше увлекался фономъ. Не въ томъ вѣдь трагедія рабства для Пенинъ, или во всякомъ случаѣ, не только въ томъ, что она не можетъ любить того, кого хочетъ. А авторъ только съ этой стороны и показываетъ главную фигуру своей картины, задуманной, казалось бы такъ интересно.

Но, послѣ всѣхъ этихъ упрековъ, хочется, все-таки еще разъ повторить, что «сдѣлана» пьеса очень хорошо, иныя, отдѣльныя сцены живы и колоритны, отдѣльныя фигуры жизненны и типичны, а краснорѣчивыя и чувствительныя тирады произносимыя со сцены, слушаемыя съ нѣкоторымъ даже волненіемъ.

Постановка. Конечно, незлобинскій театр — не художественный, — тамъ ни къ чему не придерешься, — и въ постановкѣ Пенинъ можно найти кое-какіе недочеты, но недочеты эти мелкіе. Соломенная шляпа помѣщика Калугина — какой-то соломенный котедокъ, какихъ никогда не носили, какая-то нелѣпая портьера «модернъ» — въ павильонѣ 2 акта, гдѣ обучаютъ крѣпостныхъ танцорокъ — еще кое-какія мелочи. Неудаченъ въ смыслѣ мизансценъ, 3-й актъ — ночной праздникъ въ паркѣ.

На аранжировкѣ декораций — смотрѣть пріятно, онѣ довольно красивы и стильны. Хуже другихъ написана — даль въ 4-мъ актѣ. Г-жу Вадинову, исполнявшую главную роль, московская публика видѣть впервые. Тѣмъ пріятнѣе — высказать похвалы молодой артисткѣ. Милое, легкое жеманство «придворной» актрисы, молодая жизнерадостность и веселость, деревенская простота, которую не стерла петербургская жизнь, очень хорошо передаются артисткой. Много мягкости и трогательности въ интонаціяхъ. Неудачи же — сильныя мѣста роли.

Фигура Степаниды — барской барыни трафаретна и нежизненна у автора. И задача игравшей ее

— Свое представленіе «Пенинъ» въ Незлобинѣ прошло при переполненномъ залѣ. Публика принимала всѣхъ исполнителей тепло. Д. М. Вадинова, О. Ковичъ получили массу цвѣточныхъ подарковъ. Нелидовъ — и цвѣточномъ плато серпортенгаръ, а г. Чаргонинъ — цвѣты. Всѣ получили отъ Б. П. Незлобина по жетону.